

ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

22. ОБ ОЧИЩЕНИИ ДУШИ

Сознательное, намеренное отступление от нравственного совершенства не всегда свидетельствует об испорченности человеческого сердца. Есть положения, при которых такое отступление обнаруживает глубину преданности этого сердца и зрелую силу его решений. Именно таков духовный компромисс, необходимый в борьбе со злодеями и осуществляемый религиозно осмысленным правосознанием.

Духовный компромисс состоит не в том, что человек развенчивает, разлюбливает или отвергает идею святости и нравственного совершенства, но в том, что он, решая обратиться к силе и принять меч, и зная, что меч не есть высшее, святое и совершенное, все-таки приемлет его, отнюдь не раз-

венчивая, не разлюбляя и не отвергая идею нравственного совершенства и святости. Духовный компромисс отнюдь не угашает в душе голоса совести, зовущего к нравственному совершенству, он совсем не извращает и не ослабляет его; мало того, он даже не отрывает от него душу - голос совести необходим каждому из людей, но правителю и воину - больше, чем кому бы то ни было. И притом именно потому, что основное дело их жизни заставляет их как бы отодвигать на второй план заботу об их личной праведности. Дело правителя требует не только мудрости, верности, справедливости и твердой воли, но еще и скрытности, изворотливости и умения бороться с врагами народа. Дело воина требует не только преданности, чувства чести, самообладания и храбрости, но еще и способности к убийству, к военному коварству и беспощадности. Плохо, если у правителя и у воина не окажется необходимых им отрицательных свойств, но гораздо хуже, если в их душах исчезнут необходимые положительные качества, если начнется идеализация отрицательных свойств и их господство, если они начнут принимать дурное за хорошее, культивировать исключительно дурное и строить на нем всю свою деятельность. Правитель или воин с заглушенной или извращенной совестью не нужны никому - ни делу, ни людям, ни Богу; это уже не правитель, а тиранствующий злодей; это не воин - а мародер и разбойник. Их спасение именно в голосе совести. Они должны твердо знать, где, в чем и почему их деятельность отступает от заветов праведности, и допускать этот строй поступков и установлений не более, чем этого требует необходимость борьбы со злодеями. Правители должны понимать, что если государственность начнет сводиться к шпионству за гражданами и к интриге, питая дух гражданской войны, то она погубит себя и общественную нравственность и будет уже не бороться со злом, а служить ему; но, понимая это, они не должны уничтожать ни тайную полицию, ни дипломатию, ни контрразведку, ни аппарат подавления и войны: но только все эти функции должны быть в руках честных, совестных и религиозно мыслящих людей. В душе воина должны жить могучие, непреступные грани, отделяющие обязательное от запретного, и эти грани не могут поддерживаться одной механической дисциплиной: здесь необходима духовная автономия, осмысливающая дисциплину началами веры, преданности, совести и чести, так чтобы воин понимал, почему врага в сражении и бунтовщика при восстании должно убить, а частное имущество его семьи оставить неприкосновенным, и почему искусная контрразведка во вражьем стане есть проявление доблести, а интрига в полку и в общественной жизни - проявление низости.

В известных, строго определенных отношениях и случаях, человек власти и меча должен уметь совершать поступки, явно расходящиеся с его собственным идеалом святости и совершенства; он должен иметь в себе силу отстранить свое внутреннее «несогласие», удержать свой личный «протест», победить в себе возможное «отвращение» и совершить необходимое, и не только из дисциплины и по приказу - ибо он сам может всегда оказаться в положении инициатора и приказывающего; он должен быть способен к этому из религиозного чувства и по духовному убеждению: принять на себя ответственность решения и приказа, арестовать, приговорить, расстрелять. Но именно эта энергия духовного компромисса может и должна будить его совесть. Действуя с сознанием духовной необходимости, он не должен во время действия обесиливать себя рефлексией на идеальное или предаваться преждевременным угрызням: кто

идет по канату и начинает несвоевременно оглядываться, тот падает и расшибается. К духовному компромиссу он должен приготовить себя заранее: все взвесить, обдумать, прочувствовать и принять решение, и в момент действия он должен чувствовать себя уже укрепившимся в своем служении, в чувстве ответственности и долга и творящим духовную необходимость в меру полномочия, приказа и своего крайнего разумения. Но вне действия ему естественно и необходимо освещать себя Божиим лучом. Возможно и необходимо, чтобы вне действия все благороднейшие силы человеческого духа приходили в нем в движение, в состояние обостренной чувствительности и повышенной чуткости: отношение к Богу, совестный суд, воля к безусловной правоте. Это необходимо ему не для того, чтобы «осудить» свои действия, совершенные в период борьбы, как якобы постыдные, но для того, чтобы укрепить в себе способность к духовному компромиссу: ибо духовен компромисс тогда, когда он не расшатывает духовных основ человека, не разрушает стен его личного Кремля, не отрывает его от Бога, не заглушает его совесть...

Чем глубже религиозность человека, чем сильнее в нем любовь и чувство духовного достоинства, чем свободнее в нем дыхание совести - тем более ему по плечу духовный компромисс: тем менее вреда приносит ему взаимодействие со злодеем, тем менее ожесточает его отрицательная любовь, тем менее разрушают его духовную личность акты вынужденного коварства и жестокости. Тем вернее он находит и самую меру необходимого компромисса. Эту меру невозможно определить заранее какими-нибудь абстрактными принципами: она обретается в самом процессе борьбы и творчества, для каждого отдельного случая, при помощи живого усмотрения и крайнего разумения. Но именно поэтому так исключительно важна та основная духовная установка человека, с которой он обращается к событию и из которой он усматривает, понимает и решает. И эта установка не дается никому из людей по произволу, легко и просто, без предварительной, подготовляющей духовной работы. Подлинность, чистота и глубина доброй воли - есть первое и основное условие, без которого невозможна верная и победоносная борьба со злодеями, а приобретение этой воли требует постоянной, длительной, напряженной борьбы над своим духовным очищением.

Человек в действии всегда бывает на той высоте, на которой он подлинно жил до испытующего и проверяющего его душу действия. Вопрос решается не мнимою видимостью его жизни, обманной и для других и, может быть, для него самого, а состоянием той страстной душевной глубины, отношение которой к духу и к Богу определяет всю личность человека. Необходимость героического поступка - опасность, искушение, беда - не вызывает в человеческой душе ничего небывалого и не может изменить ни ее качества, ни ее силы; она только строго учитывает наличное и безжалостно подводит итог всему достоянию, пробуждая дремавшее, обнаруживая невидимое и проявляя сокровенное. Действие человека есть его выявленное бытие. Наивно - пренебрегать основами своего духовного бытия и думать, что в момент испытания поступки окажутся «как-нибудь» «сами» на высоте. Наивно - таить от себя самого свои подлинные мотивы, побуждения, склонности и страсти и воображать, что «незаметное» - бесильно в душе и что укрытые страсти не изливаются в поступки, не искажают их по существу, не наполняют их «неожиданным» содержанием, не освещают их ответами затаившегося зла. Ни один поступок человека не случаен; каждый - есть созревший результат всей его предшествующей жизни, проявление всего его личного уклада. И потому каждый из нас совершает свой поступок не только усилием, фактически его осуществляющим, но и всем процессом своей предшествующей жизни.

Если душа человека чиста, то верен будет и ее поступок, несмотря на свое видимое несоответствие законам праведности, и обратно: даже самые праведные поступки нечистой души - будут неверны. И если это относится ко всякому человеку, то для правителя и воина это получает совершенно особенное значение. Согласно древнему и глубокому воззрению, выношенному Православной Церковью, люди, владеющие властью и мечом, владеют ими не в виде привилегии, а в виде религиозно осмысленного служения; это служение возлагает на человека особое бремя обязанностей и особое бремя ответственности, и среди этих обязанностей - обязанность казни и боя есть тягчайшая, и справляться с этим бременем ответственности возможно только при непрестанной заботе о религиозном очищении своей души и своей воли.

Невозможно человеку жить на земле и строить дело Божие, не приемля духовного компромисса, но именно духовный компромисс требует религиозного и нравственного очищения.

Духовный компромисс ищет и находит самый праведный исход из всех имеющихся неправедных исходов. Но и этот, самый праведный из неправедных, - остается, конечно, неправедным, несмотря на весь его героизм, на всю его религиозную осмысленность и духовную красоту. Одним своим агрессивным бытием зло выводит праведного человека из его духовного рав-

новесия и из его нравственной плеромы и не оставляет ему безусловно праведного исхода. В этом можно было бы усмотреть победу зла, ибо победа его может состоять или в том, что человеческая душа заражается его противоположностью и противоположностью или в том, что она оказывается выведенной из духовного равновесия и нравственной плеромы самым процессом ответной реакции на злодеяние. Человек, отвечающий силою и мечом на агрессивность злодея, не может не «выйти из духовного равновесия и нравственной плеромы - и в этом злу всегда обеспечена некоторая видимость внутренней, душевно-духовной „победы“; в этом смысле зло всегда „имеет успех“ - и тогда, когда безвольный моралист вступает на путь трусливого укрывательства и предательского себялюбия, и тогда, когда сильный, преданный делу человек избирает путь отрицательной любви и справедливого меча, и лишит злодеев такого „психологического“ успеха можно только в порядке последовательного мироотвержения, приближающегося к буддийскому самоугашению или прямому самоубийству, причем само собою разумеется, что личный уход от восприятия зла отнюдь не разрешит самую проблему зла в ее объективном, мировом значении.

Вот почему настоящая борьба со злом может и должна вестись именно в совмещении духовного компромисса и религиозно-нравственного очищения. Именно процесс очищения, следующий за подвигом неправедности, отнимает у зла последнюю видимость успеха и победы.

Религиозно-нравственное очищение - покаянный, из глубины совершаемый пересмотр своих состояний и содержаний, и новое приобщение божественной плероме необходимо правителю и воину уже в силу одного того, что они люди и что «нести человек, иже жив будет и не согрешит»; и поскольку в нем нуждается каждый человек вообще - и тот, кто просто не принял бремени власти и меча, и тот, кто в пределах своего личного жизненного достояния идет по пути щедрой уступчивости, предугаженной в Евангелии. Борьбаться за чистоту своей доброй воли и за чистоту ее сознательных и бессознательных мотивов - призван каждый человек, и призвание это кончается для него на земле лишь в момент его земной смерти.

Но правителю и воину очищение необходимо в особенном значении, и это значение определяется их призванием, их борьбою и их ответственностью. Оно необходимо им и перед непосредственной борьбою - для борьбы, и после выхода из борьбы - и для себя, и для ее продолжения.

Душа, сопротивляющаяся злу силою и мечом, нуждается в очищающих усилиях уже при самом восприятии зла для того, чтобы освободить себя по возможности от возмущения страстей, от соблазна, замешательства, неуравновешенных и преждевременных взрывов, и всяческого пристрастия, и всяческих немудрых душевных движений.

Она нуждается в этих условиях и перед началом борьбы, чтобы утвердиться в духовной любви как главном или даже единственном источнике своего сопротивления; чтобы сопротивление велось из преданности делу Божьему, из патриотизма, из религиозной ревности, а не из жадности, личной ненависти, мести и иных непредметных побуждений; чтобы даже тогда, когда борьба будет вестись за себя, за свое имущество или за свои личные права, - человек был бы прав в этой борьбе, чувствовал бы себя участником Божьего дела и боролся в лице себя за нечто, подлинно большее, чем он сам и его личное дело. Верный и чистый мотив борьбы - есть первый залог ее достоинства: того уровня, на котором она ведется, той меры, до которой она длится, и того успеха, который будет ею достигнут.

Но для борьбы со злодеями человеку нужен не только предметный источник и мотив, но и верное видение: очистительная работа необходима борющемуся для того, чтобы верно отличать и видеть подлинное зло, чтобы верно видеть его цели, его работу и его средства и, со своей стороны, верно выбирать необходимые и действительные меры сопротивления. Самоотверженная борьба с мнимым злом и мнимыми злодеями есть «донкихотство» - трагикомическое смешение величия и наивной слепоты, в конечном счете выгодное только злодеям.

Очищение души не менее необходимо и после выхода из борьбы. И прежде всего для того, чтобы обезвредить и погасить в себе всевозможные следы незаметно проникшей заразы: все эти душевные осадки, отпечатки, отзвуки ведшейся борьбы, начиная от вспыхивавшей кровавости, ненависти, зложелательства и кончая неизжитыми зарядами интриги и коварства. Все эти остатки, не освещенные и не обезвреженные, оседают в душе, как клочья злого тумана по ущельям и расселинам, и незаметно отравляют чувство, волю и мысль человека. Они имеют свойство ассимилироваться душевной атмосфере, и если эта ассимиляция происходит, то они, естественно, сливаются с собственными дурными влечениями человека, питаются ими, подкрепляют их со своей стороны и сильно затрудняют духу ведение надлежащей борьбы с ними.

Но больше всего очищение души необходимо для того, чтобы избавить душу от возможного очерствения и ожесточения, связанного с восприятием зла, с сопротивлением ему и со всеми видами понуждения и пресечения. Душа борца не должна утрачивать в борьбе своих высших состояний и возможностей; она должна постоянно возвращать и вернуть себе способность к духовному равновесию, к полноте положительной любви, к совестной плероме, к растворяющей душу молитве и умиляющей радости: ибо и ангелы (о коих пишет Св. Амвросий) по завершению их тягостной миссии гнева и мзды возвращаются к созерцанию лика Божия и вновь приобщаются Его свету.

И наконец, тот же процесс духовного очищения может и должен дать душе борца то успокоение и ту силу, которые необходимы ему для новой борьбы, для новых напряжений и подвигов. Ибо истинное очищение души не расслабляет ее, а укрепляет. И если человек, ведший борьбу мечом, не выдержал внешнего вида своих деяний и, потрясенный видом страха, смерти и крови, изнемог и обессилел, то он должен быть уверен в том, что это бессилие может быть преодолено не идеализацией совершенного и не бегством от совести, но и не малодушным отречением от содеянного, а только на пути глубинного очищения души, ибо в таинстве покаяния не только умиряется хаос страстей, но и духу дается подобающая ему власть и сила.

Тот, кто сопротивляется злодеям силою и мечом, - тот должен быть чище и выше своей борьбы, иначе не он поведет ее и не он завершит ее победою, а она увлечет его, исказит его обличие и извергнет его, сломленного, униженного и порочного. Владеть силою и мечом может лишь тот, кто владеет собою, т.е. своими страстями и своим видением, ибо если человек не владеет собою, то меч и сила овладевают им, и не они будут его орудием и средством, а он сам станет их средством и орудием, и тогда он «погибнет от меча» не физически, а нравственно и духовно: силы его будут растрчены, душа его будет изуродована и борьба проиграна. Вот почему очищение души есть основное условие победы в борьбе со злом.

Проблема духовного компромисса разрешается тем, что сила личной преданности Божьему делу и Божьей заповеди, углубленная и укрепленная в процессе религиозного очищения, превозмогает все соблазны, опасности, трудности и уклонения, могущие повредить душе, и выводит ее из напряжений борьбы не ослабевшею, а могучею и верною. Активная внешняя борьба со злодеями доступна тому, кто взрастил и воспитал в себе силу духовного и в конечном счете всегда религиозного характера, а это воспитание требует прежде всего работы над собственным очищением. Слабому, религиозно-беспочвенному характеру не под силу бремя духовного компромисса, бремя нисхождения к грубым, жестоким, изворотливым средствам борьбы: и притом потому, что он не может овладеть тем, чего достиг, и не может укрепить себя в том, чем овладел; он подобен слабой, неукрепленной «крепости» с неверным и робким гарнизоном. Напротив, чем сильнее укреплена и вооружена крепость и чем вернее и воодушевленное ее защитники, тем более трудную и опасную вылазку может предпринять ее комендант, и подобно этому, чем сильнее и цельнее религиозный характер человека, тем менее трудно и опасно для него выхождение из религиозной и нравственной плеромы в процессе борьбы со злодеями.

Вот почему Царю нужна прежде всего сила религиозного характера. Не только воля к власти, но и сила преданности Божьему делу, которому служит его народ; не только сила воли, но и ее религиозно-государственная чистота; не только чистота воли, но и чистота видения. Царь с трусливою, безвольною, религиозно-безразличною и низкою душою - есть несчастье и проклятие для своего народа, и первая обязанность такого царя в том, чтобы осознать свою непризывность и свою личную духовную несостоятельность - и отречься. Религиозное осмысление и освящение царской власти и, далее, всего государственного делания и служения таит в себе подлинную, глубокую и спасительную истину. И именно поэтому следует заботиться не об отделении церкви от государства - религиозной чистоты от пребывающего в духовном компромиссе служения, - а об их верном сочетании и сотрудничестве.

Тою же глубиною и спасительностью проникнута и идея «христолюбивого воинства». Воин именуется «христолюбивым» не только потому, что он член христианского государства, что его родина возрастает в христианском духе и что сам он призван оборонять христианскую веру, а еще и потому, что в любви ко Христу и к преподанной Им полноте совершенства он имеет живую основу своего личного духа, ею утверждает святыню своего личного Кремля, в ней почерпает необходимую ему силу подвига и очищения. Здесь нет того внутреннего противоречия, которое пытаются усмотреть сентиментальные моралисты; напротив: меч духовно необходим человеку в земной борьбе за дело Божие; но принять бремя связанных с ним душевных и телесных опасностей и страданий может лишь тот, кто утверждает свою любовь, свою жизнь и деятельность в луче Божьего света и совершенства.

И вот, если объединить все государственное начало понуждения и пресечения в образе воина, а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе монаха, - то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга.

Воин как носитель меча и мироприемлющего компромисса нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу для подвига, здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненной молитвой. Таков Дмитрий Донской у св.-Сергия перед Куликовой битвой.

Монах как живой хранитель чистоты и праведности приобщается через воина бремени мира, его страдания и его героической несправедности; он уже не отрешается и не замыкается в своей праведности: он бережет и строит ее не для себя: он не отвертывается от зла и злых обстоятельств, а вступает в борьбу с ними, становясь соратником воину, разделяя его страдания, благословляя и осмысливая его подвиг, сохраняя для него чистоту и умудрение. Монах выступает как бы ангелом-хранителем воина, и самая молитва его уподобляется огненной мечу. Таков св.-Сергий, благословляющий Дмитрия Донского и дающий ему в спутники двух меченосных послушников.

Древнерусская православная традиция верно и глубоко разрешала вопрос о соотношении церкви и государства - в разделении их сфер и в органическом согласовании их целей и их усилий, в обоюдной независимости их организации при взаимном непосягании и невторжении, в добровольном приятии воином духовного, умудряющего научения от монаха и в нетребовательном приношении монаху необходимых земных благ. И воин не падал под тяжестью своего бремени, и монах не отвертывался от бремени мира. Соппротивление злу мыслилось и творилось как активное, организованное служение делу Божьему на земле, и государственное дело осмысливалось как пребывание не вне христианской любви, а в ее пределах. И, может быть, одним из самых величавых и трогательных обычаев этого строя был тот обычай, согласно которому православный царь, чуя приближение смерти, принимал монашескую схиму как завершающий возврат из своего несправедного служения в плерому оправдывающей чистоты.

Необходимость духовно-нравственного очищения прямо предуказана и установлена в Евангелии, и притом именно для тех, кто посвящает себя борьбе с чужим злом и с чужими злодеяниями. Тот, кто не умеет вынуть «бревно из своего» собственного глаза (Мф 7:3-5; Лк 6:41-42), тот не сумеет вынуть и сучок из глаза брата своего, и весь суд его превращается в лицемерие. Только чистое око способно верно увидеть, где в чужой душе слабость, где недуг и где зло, увидеть и найти верный «суд» и верную «меру» (Мф 7:1-2, Лк 6:37-38), тот «суд» и ту «меру», которыми он сам с радостью будет «судим» и «измерен». Но чистым может быть только то око, о чистоте которого всегда радеет его обладатель, ибо «никто же свят, токмо один Бог». Тот, кто судит, тот должен быть и сам готов к суду над собою, и это означает, что он всегда должен судить самого себя так, как он судит злодея. Мера судейской компетентности определяется мерою творящегося самоочищения; злодей не судья злодею, и погрязшему в страстных слабостях не дано побивать камнями слабого и страстного грешника (Ин 8:3-11), но «вынь прежде бревно из твоего глаза» (Мф 7:5; Лк 6:42) и тогда увидишь...

И тогда увидишь, необходим ли меч и где именно; и, если он необходим, то найдешь в себе силу поднять его против злодея и пресечь его злодеяния; пресечь не страшься - ни возврата меча на твою голову, ни выхода из нравственной плеромы, ни людского суда. Ибо не страшна смерть тому, кто идет на нее из любви к Божьему делу, и не страшно временное отступление от праведности тому, кто не выходит из любви к Богу, и не страшен суд слепых и холодных тому, кто сам судит себя лучом Божиим и сам первый знает, где он отступил от «гуманности» из любви к божественному. Не человеку судить человека за такую любовь и за такое служение, не человеку, а Богу. А перед Ним - верный носитель меча предстанет «в день суда» с тем «дерзновением» (1 Ин 4:17), которое дается истинною любовью.

И.А. Ильин.

*В спорах, как на войне: -
слабая сторона разжигает костры
и устраивает сильный шум,
чтобы противник решил,
что она сильнее, чем на самом деле.
(Джонатан Свифт)*

*Такова жизнь:
либо Селя вы, либо Селя вас.*